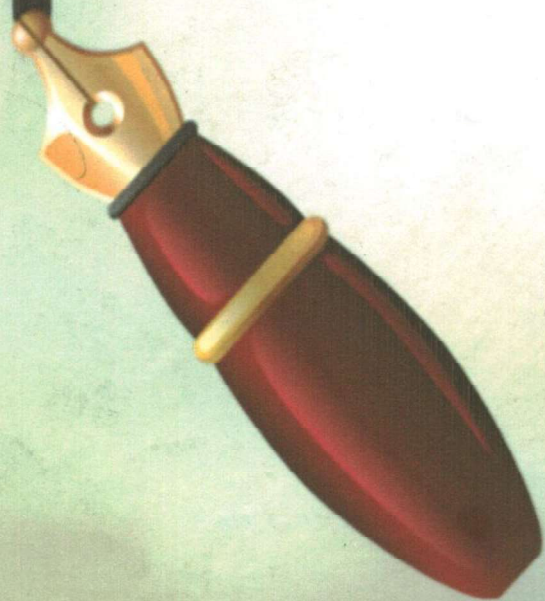

И словом
чувства
выражать...

МБУ «РЦБС Гурьевского района»

Модельная районная библиотека

Словом чувства выразить...

Сборник литературного творчества
жителей Гурьевского района

Малая Салаирка, 2014

Анна Степановна Гавриленко

г. Гурьевск

Федюня

Ну вот, кажись, и смерть пришла, до меня добиратся. Не уж-то, да раскудри меня в корень, без ног остался? Как жить-то дале буду? И не жил же ведь еще как хотел... Эх, судьба-теща переломала мощи... Черт, кругом ни души. Токмо птицы с ветром перекликаются да березы нет-нет да скрипнут.

Зубы чегой-то стали сами собой сжиматься и скулы вот-вот на щеках лопнут от натуги. Ой, чегой-то все вдруг в теле обмякло, вроде легче стало. Пошевелю пальцами – двигаются, ногами подрыгаю – малёхо живые!

А с чего это я взял, что смерть моя пришла? Ну, подумаешь, 93! Другим и того боля. Вон, сосед по улице Васька-кот полметра рот, сверх меня 4 года прожил, и помирать не собираетса! И Ванька-кукиш хрен отлупишь, тожа девятый десяток разменял! И скоко ж ему будя?.. Да чего скоко, с Васькой в одной поре девок начали щупать, значит 97. И Петюня-блаженный, что супротив меня наискось живет, тоже с нами в доску играл. Хоть и придурок, а все было на ком отыграться. Это чего ж получатся? У нас на улице аномальная зона проявилась, все мужики, почитай, долгоиграющие? Дела... Вроде все как у всех – огород, дом, баня, по 2 лошади. Ой, чегой-то тут не то... Али нас в метриках не так зафотографировали, али и впрямь чиста правда? Зажились на белом свете. Ничем не пробить. Вот даст Бог, доберусь до дому – совет держать будем. А вдруг такое в себе наковыряем, что изучать нас будут и делать выводы. А то и по ящику покажут! Уж не знаю, за счет чего соседи длинно живут, а про себя точно знаю – всю жизнь охоч до баб. Ну, ни одна не пройдет мимо, чтобы я не прострелил. Люблю в их все – от волосечка на голове до грязной пятки. На красоту не зарюсь, сам корявый. Сяду, бывало на лавку возле дома и кабу-то курю, а сам туды-сюды глазами зыркаю. Увижу бабу и тока радость в теле подыматся, хоть чечетку пляши! И че только я с ними в мыслях не выкоморивал – и пел, и побаски сказывал, и звездами в небе дивовался. И вот так по 8-10 девок до сеновала и довозил за раз, а там все было одинаково, как припев в

песне. Как устану сочинять любовь, пойду в баню, окачусь холодной водой, кваску хлебну, в стайке чего надо поделаю, руки помою и шасть опять на лавку! Женат я был по правде 7 разов. А вот ни одна с моими мыслями не сошлась: то – то, то – не то, то – энто. Пока к ней принаравливаюсь, она выбрыкнет и уйдет со двора. Будь неладны мои мечтания! Тьфу! Искал я все длинноволосую: чебы по дому колобком и на людях Василиса-прекрасная. Да все каки-то комолые попадались. Вроде на голове волосы есть, а в баню сходишь и – на тебе – полулысая выплывает! И как они только глаза мои обманывали? Ведьмы – одним словом! А из глаз – по сердцу, а из сердца – по ногам. Плюну, да и опять иду на лавку. И так ее отшлифовал своей задницей, будто лаком покрыл на века. Сяду и опять мозги на любовь накручиваю. Вот так семерых и перебрал через расписку в загсе. За восьмой не пошел – че себе сердце-то рвать. И не заметил даже, как к 100 годам подползать зачал. Дни рождения не отмечал, и даже забывал порой, скоко тюкнуло, пока в метрику не глядел. Все бегом, да на лошадях. Вот седни поперся за березняком на веники. За веткой потянулся, чегой-то как качнуло и ноги вдруг подломило, как бечёвкой стеганули. Рухнул с маху, аж Каурка шарахнулся в сторону от меня! Ишь, глазами зыркает, мол, чё разлегся – домой пора. Господи Иусе! Да помоги ты мне подняться-то! Ух ты, разъедри их в каталку, как же это я на муравьину-то кучу шваркнулси. Сожрут гады и не подавятся. Руками надыгь, руками толкаться да отплзать отселя... Хреновина кака-то – сила в руках ушла. Пальца стали вялые и каки-то чужие. Да чего же они так жгут немилосердно-то, во все щелки пролезли. Гады, и скоко же их – без счету! Все... не могу боле. Зацепиться б за телегу, Каурку понужнуть, да отскачил от меня далеко – не дотянусь... Можа березовой веткой, нет... да и ветки тонкие ниточки... И чего один поперси, ... и когда сила-то потерялась – не приметил... Ишшо малёхо и капут, на веки вечные тута остануся. Когда еще найдут? Можа завтря? А? Да Пресвятая Богородица! Да помоги ты мне грешному! Ни отколь помочи нетути. Накаркал смерть-то, а она враз – шасть, как будто из-за березы подглядывала... Какая же она жгучая... Мозги чегой-то замутило... То ль вижу кого, то ль привиделось... баба! Да такая красавица! А вон втора, третья..., седьма! И все одна к одной! Да это ж... мои женушки дорогие на погляд пришли строем. И чего ж это я их побросал – эвон какие лебедушки-Василисушки. Не одну не сломать как энту березу треклятую. Глядять-ко, на руки меня подымают... И куды это они меня, ведь все ж мертвые давно...

Не сразу наткнулась на мужика пацанва, что за ягодой по логам ходила, а лишь на второй день. Каурка пришел во двор. А что со стариков взять — не заметили, что телега без хозяина. Только по одежке и узнали Федюню.. Похоронили, на как и положено, на кладбище. Сыновья, а их у него было трое и все в деревне здоровкались друг с дружкой, вырыли у креста яму и посадили березку — с того места привезли, где батьку нашли. Кому как не ей шептаться над крестом да осыпать могилу золотом, ежели мужик не в силах поднять березовый веник в своей старенькой баньке.

